

говор также и с УНР²⁸⁹. Сокольников проявил себя настоящим дипломатом. В письме от 16 февраля (1 марта) он подтвердил, что не отрицает оговоренного германским ультиматумом обязательства России заключить мир с Украинской Народной Республикой. Но, в то же время, объяснил «господину председателю украинской делегации... что советская делегация уполномочена на подписание договора с Четверным союзом, но не имеет полномочий на переговоры с делегацией украинского Совета народных министров».

18 февраля (3 марта) на пленарном заседании Сокольников вновь заявил, что советская делегация готова подписать мирный договор немедленно без всякого его обсуждения, «в создавшихся условиях бесполезного». Дипломаты стран Четверного союза, желающие смягчить ситуацию, в своих выступлениях вновь пытались доказать, что заключаемый мир не может считаться насильственным. Но все понимали: дело идёт к развязке, и слова уже мало что значат. В конце концов стороны приступили к подписанию.

Мирный договор с приложениями и дополнениями был подписан в 17.50 18 февраля (3 марта) 1918 г. От имени России свою подпись под ним поставил Г.Я. Сокольников.

В 17.52 мирная конференция была объявлена закрытой.

В тот же день ВЦИК разослал во все Советы телеграмму, в которой сообщал, что мир подписан, и что 27 февраля (12 марта) для его ратификации созывается Всероссийский съезд Советов.

23 февраля (8 марта) 30 голосами против 12 при 4 воздержавшихся за ратификацию договора высказался VII съезд Партии, а 2(15) марта IV чрезвычайный съезд Советов, 784 голосами против 261 при 115 воздержавшихся (среди них 64 «левых коммуниста») ратифицировал мирный договор.

4(17 марта) он был ратифицирован Германским союзным советом, 5–9(18–22) марта одобрен германским рейхстагом.

²⁸⁹ Не следует забывать, что согласно предложенному документу за Украиной оставались бы Крым, часть Кубани, Таганрогский и часть Ростовского округа Донской области, Черноморская и Ставропольская губернии, Путивльский уезд Курской и четыре уезда Воронежской губерний и украинская колония Зелёный клин на Амуре.

К этому времени продвижение австро-германских войск по Украине шло уже полным ходом.

8.4. ТРЕНИЯ С КАЗАЧЕСТВОМ. ГИБЕЛЬ ГОЛУБОВА. ГИБЕЛЬ М.П. БОГАЕВСКОГО

Войсковой старшина Николай Матвеевич Голубов имел перед Советской властью немалые заслуги²⁹⁰ и мог, казалось, при её становлении рассчитывать на самый высокий пост. Но ничего подобного не произошло. В состав Донского ВРК войсковой старшина не вошёл, поскольку прибыл в Каменскую уже после его оформления. Начальником казачьего отряда ВРК не назначен, так как таковой уже был в наличии – выбранный комитетом 27-го Донского полка ещё до ухода с Юго-Западного фронта есаул Смирнов²⁹¹. И, наконец, комендантом занятого Новочеркаска Саблиным был определён начальник одной из красновардейских колонн Медведев²⁹². По переезде Донревкома в Ростов и образовании Областного ВРК о Голубове также никто не вспомнил. По понятным причинам Подтёлков менее

²⁹⁰ Стоит напомнить, что появление освобождённого с гауптвахты Голубова изменило ситуацию кардинально. До него донревкомовские казаки вступать в бой не желали и отступали перед Чернецовым, стараясь не доводить дела до большой стрельбы. Голубов, приняв на себя командование, сумел поставить дело таким образом, что от решающего боя казаки уклоняться не стали. В результате Чернецов был пленён, а отряд его потерпел под Глубокой решительное поражение. Именно Голубов взял с налёта Новочеркасск. Он же разогнал Войсковой круг и лично арестовал Атамана А.М. Назарова и Е.А. Волошинова.

²⁹¹ Смирнов имел рекомендации ревкома Юго-Западного фронта, и по прибытии в Харьков, предъявил их Антонову-Овсеенко. В результате полк (за исключением одной отделившейся сотни) не был разоружён, проследовал в Каменскую, где и объявил себя подчинённым Донревкому. Смирнову было приказано занять Звереву и Лихую, что он и исполнил, выгеснив со станций до роты добровольцев. Впрочем, с той же лёгкостью обе станции вскоре были оставлены.

²⁹² Весьма возможно, политические соображения не играли при этом особой роли. И выбор Саблина определялся тем, что Медведев, который и сам имел немалые амбиции, казался командарму куда более предсказуемым и надёжным. Что касается Антонова-Овсеенко, то ему было явно не до того, чтобы в условиях меняющейся с каждым днём обстановки и предстоящим выдвижением на Украину, разбираться в тонкостях местечковой политики. В результате, после ухода войск Медведев так и оставался комендантом Новочеркаска.

всего хотел видеть войскового старшину рядом с собой.

И так уж получилось, что Голубов должности не получил и формально к новой власти никакого отношения не имел. Войсковой старшина не был ни мародёром, ни мздоимцем. Ему претила беспричинно пролитая кровь²⁹³, а интересовала только власть, причём, на самом высоком уровне. Этот честолюбивый человек, не перестававший грезить об атаманской булаве даже и теперь, начал постепенно осознавать, что рискует оказаться не у дел.

И особенно возмущало Голубова то, что ему, блестящему в прошлом офицеру, чьё имя гремело с февраля 17-го на Дону, большевики предпочли мало кому известного Подтёлкова. К тому же отношения между ними, сразу не сложившиеся, перерастали постепенно в едва скрываемую неприязнь²⁹⁴.

²⁹³ «12 февраля, в понедельник, он вступил в город... – пишет В. Севский. – ...в конюшне атаманской он взял себе военную добычу, только военную добычу – коня Каледина. Грабителем никогда не был, и в февральские дни, когда в Новочеркаске грабили все, Голубов и Саблин были едва ли не единственными, у кого к рукам не пристала ни одна казачья копейка» («Донская волна» № 7 от 22.07.18).

Когда в декабре 1917 г. М.П. Жаков высказался в том смысле, что, если Каледин пойдёт на Ростов, его утопят в крови, генеральской крови не жаль, Голубов ответил:

– А для меня всякая кровь – кровь... – и добавил, обращаясь непосредственно к Жакову. – Даже комариная.

²⁹⁴ По свидетельству Полякова 27 февраля (12 марта) в «Известиях ВРК» за подписью сестры Голубова, Ольги Матвеевны, было опубликовано следующее стихотворение:

ВЕЛИКОМУ НАРОДУ
Подымайся, великий народ,
Остальные пойдут за тобою.
Дружной ратью пойдём мы вперед,
Только трусы не явятся к бою.
Если ярким наш будет удел,
Лихо станем над черною бездной.
Кто может, беспощаден и смел.
Она взвьётся к высотам надзвездным.
В грозном рокоте слышен удар
По позорным столбам капитала.
От мерцанья зажётся пожар,
Долгожданная радость настала.
Люди – братья, в великие дни
Есть надежда на гибель Ваала.
Цепи пали... Зажглися огни...

Волна репрессий и казавшееся бессмысленным избиение казачьих офицерских кадров не могли его не покоробить. Чувствовал войсковой старшина и изменение в психологии фронтовых казаков, которые постепенно, не сразу, но с каждым днём всё определённое, начинали отходить от большевиков. Наверняка раздумывал Голубов о том, что даже если ему и удастся войти во власть, управлять будет уже нечем, так как Донское войско в прежнем его виде перестанет к тому времени существовать. Но Войсковое правительство им же было уничтожено. Серьёзной альтернативы большевикам пока ещё войсковой старшина не видел, и, скрепя сердцем, продолжал двигаться в одном с ними направлении.

Справедливости ради следует отметить, что все, и в первую очередь комендант Медведев, понимали, что фактическое командование «революционными» казаками осуществляет Голубов, признавали, что если бы не войсковой старшина, ещё неизвестно, как всё закончилось бы с Чернецовым, да и с Новочеркасском тоже. Признавали и вели себя в общении с ним соответственно.

То, что войсковой старшина не получил должностей при новой власти, имело для него и положительные стороны. Он получил зато, почти полную свободу рук и поле деятельности для применения своей неуёмной энергии²⁹⁵.

Кто-то из доброжелателей сообщил Голубову, что в Сальских степях у калмыков скрывается бывший товарищ Атамана Каледина М.П. Богаевский²⁹⁶. Войсковой старшина рассудил,

Нетрудно заметить, что из первых букв каждой строки складывается недвусмысленное: «Подтёлков подлец».

Очевидно, без участия и одобрения самого Голубова, подобный демарш был бы невозможен. И понятно, что подобное не могло способствовать налаживанию, если не нормальных, то хотя бы терпимых личных отношений войскового старшины с председателем Донревкома.

²⁹⁵ Весь эпизод захвата Голубовым Богаевского воспроизведён на основании многочисленных, зачастую противоречащих друг другу, источников. После их сопоставления происшедшее видится мне таковым. И хотя отдельные детали в большей или меньшей степени могут отличаться, и почти наверняка отличаются от действительности, суть, думается, остаётся неизменной.

²⁹⁶ Разговоры о том, что Богаевский с супругой находится «у нас, в Сальском округе» и направляется в станицу Ново-Алексеевскую открыто велись

что напомнить в очередной раз о своём существовании не помешает. Лучшего способа, чем поимка «донского баяна», лишь недавно принимавшего столь активное участие в политической деятельности и выступавшего против большевиков, для достижения этой цели трудно было и придумать.

Но захват Богаевского не был единственной, а возможно, не был и главной задачей, которую ставил перед собой Голубов. Степной отряд генерала П.Х. Попова продвигался из Старочеркасской в Сальские степи. Нейтрализация его, или даже переход части казаков на сторону Донревкома, сулили весьма заманчивые перспективы. Помимо уничтожения последнего крупного подразделения, враждебного Советской власти, это позволяло Голубову надеяться, что заслуги его наконец-то будут оценены по достоинству. И, кроме того, могло усилить отряд лично преданных ему казаков, что было совсем не лишне. Войсковой старшина успел удостовериться, что большевики считаются только с силой.

В первые дни после занятия Новочеркасска он отправил в Степной отряд письмо, в котором предлагал «братьям-партизанам» вернуться в Новочеркасск и гарантировал всем жизнь. Казак из отряда Голубова разыскал «степняков» и доставил по-

отдельными делегатами-калмыками на проходящем в Великокняжеской 15(28) февраля – 17 февраля (2 марта) Окружном съезде Советов. Богаевский, будучи проездом в станице Батлаевской, был узан одним из жителей, калмыком, и имел с ним разговор. К тому же, Богаевский, вероятно, недостаточно заботился о соблюдении элементарной конспирации. Видимо, эти отрывочные сведения и получил Голубов. Впрочем, для него этого оказалось достаточным.

По прибытии в Ново-Алексеевскую, Богаевский отправил Д.Н. Улановой (сестра Б.Н. Уланова, выдвинутого от казаков в состав Паритетного правительства вместе с Богаевским) в Великокняжескую письмо (оно было написано на калмыцком языке и передано на съезде одним из делегатов), в котором сообщал, что проживает в хуруле (буддийский храм), в 3-х километрах от станицы.

Уланова тотчас же отправилась в Ново-Алексеевскую, где виделась с супругами Богаевскими. Ею был разработан план переезда Богаевского вначале в Великокняжескую, а потом, и далее, в Тихорецкую (где тому было бы легче укрыться).

Но начало полномасштабных военных действий в Сальском округе помешало его осуществлению.

слание 20 февраля (5 марта) на зимовник Королькова. Персонально письмо предназначалось брату Голубова Алексею Матвеевичу, бывшему в Гнилорыбовском отряде. Но П.Х. Попов, «чтобы не смущать» людей, не посчитал нужным передавать и оглашать его.

Тем не менее, казака приняли как своего, и отпустили обратно в Новочеркасск, что утвердило войскового старшину в мысли, что предприятие его не так уж безнадежно. Во главе отряда в несколько десятков сабель²⁹⁷ Голубов походным порядком проследовал в район предполагаемого нахождения Богаевского. 1(14) марта отряд вступил в станицу Платовскую²⁹⁸. Видимо, Голубов запасся предварительно в Донревкоме соответствующими сопроводительными документами. Во всяком случае, каких-либо недоразумений с Красной гвардией, занимавшей к тому времени Платовскую, у него не возникло.

Расквартировав свой отряд в станице, Голубов с незначительным конвоем выехал на поиски М.П. Богаевского. Действовал он просто, расспрашивая всех подряд. В конце концов, след привёл его в станицу Денисовскую²⁹⁹. Был уже вечер, и Голубов остановился на ночлег в доме бакши³⁰⁰ калмыцкого хурула. Предупреждённые о его прибытии супруги Богаевские ушли в степь, где наткнулись на казачий разъезд. Казаки их не арестовали, просто направили обратно в станицу, заявив, что без разрешения «начальника отряда» выйти из неё они не смогут. Богаевский постучал к знакомым, но ему не открыли. Видя всю безвыходность своего положения, он сам пришёл к Голубову и сдался.

На следующий день 4(17 марта)

М.П. и Е.Д. Богаевские

²⁹⁷ По оценке С.М. Будённого в отряде Голубова насчитывалось до трёхсот казаков.

²⁹⁸ Ныне ст. Будённовская Пролетарского района Ростовской области.

²⁹⁹ Ныне х. Денисовский Пролетарского района Ростовской области.

³⁰⁰ Распорядитель.

Голубов перевёз Богаевского в Платовскую, где и оставил под охраной нескольких казаков и своего ординарца. Сам же войсковой старшина с отрядом направился на поиски «степняков».

В станице, между тем, узнали, какого пленника удалось захватить Голубову. Собрался крестьянский сход, который постановил заслушать Богаевского. Охрана в несколько казаков не могла противостоять сотням крестьян и красногвардейцев, и Богаевский вместе с супругой был вынужден выйти к ним и, взобравшись на стол, выступил перед сходом. Говорил он два часа и, в сущности, то же, о чём впоследствии говорил, и выступая перед казаками в Новочеркасске. Богаевский давал отчёт о деятельности несуществующего уже Донского правительства.

Но в Платовской, которую лишь несколько дней назад покинули калмыцкие сотни генерала И.Д. Попова, действовавшие зачастую как карательная экспедиция, население не могло встретить его с пониманием³⁰¹. Напротив, крестьяне и красногвардейцы настроены были резко враждебно. Раздавались уже призывы устроить самосуд, и в силу неспособности малочисленной охраны защитить арестованного дело к этому явно и шло. Спас Богаевского от пули адъютант Голубова. Не растерявшись, он заявил крестьянам: «Не нам судить такого важного преступника, мы должны направить его в Новочеркасск». Как ни странно, этот простой довод возымел своё действие. Разъярённая толпа отступила и постепенно успокоилась.

Наутро Богаевский был перевезён казаками в станицу Великокняжескую³⁰², где ему отвели камеру в тюрьме. Супругу Богаевского, за неимением помещений для содержания женщин, отпустили.

Между тем 5(18) марта отряд Голубова вышел к аванпостам «степняков». Через парламентёров войсковой старшина дал знать о «своём желании разговаривать с партизанами». Есаул Назаров и полковник Захаревский незамедлительно сообщили об это в штаб Походного атамана. П.Х. Попов был настроен

³⁰¹ «В это время, – пишет Н.М. Мельников, – в станице лились потоки крови... Красногвардейцы едва не растерзали пленника...» («Родимый край» № 44, январь-февраль 1963 г.).

³⁰² Ныне г. Пролетарск – административный центр Ростовской области.

против переговоров, но Назаров, Захаревский и большинство членов штаба придерживались иного мнения и сумели его убедить. В штаб был вызван А.М. Голубов. Узнав в чём дело, он наотрез отказался разговаривать с братом.

Переговоры сорвались. И дело тут не в нежелании отдельных лиц в них участвовать, а в невозможности о чём-либо договориться. Н.М. Голубов понимал, что в условиях развёртывания полномасштабной гражданской войны в Сальском округе, когда и с той, и с другой стороны успела пролиться немалая кровь, а ожесточение достигло предела, переход Степного отряда на сторону большевиков, даже, если допустить, что его командование пошло бы на это³⁰³, был уже невозможен.

Больше войсковому старшине предложить было нечего. Трезво оценив создавшуюся ситуацию, он поспешил обратно. В Платовской Богаевского уже не оказалось. Разместив казаков на прежних квартирах и оставив за себя начальника штаба отряда Пучкова, Голубов отправился в Великокняжескую. В тюремную камеру к Богаевскому он явился «вместе с каким-то комиссаром в штатском³⁰⁴».

И тут, в присутствии супруги Богаевского, Елизаветы Дмитриевны, войсковой старшина стал убеждать его написать обращение к партизанам. При этом он утверждал, что дело Войскового правительства безнадежно проиграно, отряды партизан разбиты, разбита и истреблена Добровольческая армия, и брат его, А.П. Богаевский, погиб вместе с её остатками. По словам Голубова, «кое-где в области оставались ещё кое-какие отряды из учащихся», сопротивление которых стало уже бессмысленным. «Напишите им: пусть положат оружие, – настаивал войсковой старшина. – Если вы не спасёте детей, кровь их падёт на вашу голову. Я их перестреляю, как щенков. Собственного брата-партизана задушу своими руками...»

Богаевский не был военным. Тяготы и лишения службы не воспитали в нём постоянной готовности дать отпор врагу. Ми-

³⁰³ На что, конечно же, П.Х. Попов не пошёл бы ни при каких обстоятельствах. Времена Каменского съезда отошли в далёкое прошлое.

³⁰⁴ Можно предположить, что это был сотрудник местной советской газеты.

тинговая специфика неизбежно вела к отстранению от реальной жизни. И когда эти реалии во всём своём ужасе и трагизме вдруг приблизились вплотную, Богаевский не выдержал. Выдающийся оратор, он не был бойцом³⁰⁵. Сломленный самоубийством Каледина и падением Дона, Богаевский не искал путей к продолжению сопротивления³⁰⁶, а, напротив, стремился устраниваться от всякого участия в дальнейших событиях.

Не имевший каких-либо достоверных известий о происходящем, он видел вокруг лишь крайнее ожесточение крестьян, апатию и равнодушие казаков, и ситуация, обрисованная Голубовым, не казалась ему идущей вразрез с увиденным. Действительно ли Богаевский решил, что может спасти жизни подростков-партизан или ухватился за мысль, подсказанную восковым старшиной, мы никогда не узнаем. Но, в конце концов, он вынужден был уступить, и написал в тюремной камере обращение к партизанам³⁰⁷.

³⁰⁵ Разумеется, это не может иметь прямого отношения к делу, но вспоминается, что и брат его, Африкан Петрович, среди железных корниловских командиров не выделялся надлежащей требовательностью. Трудно даже представить, чтобы в подразделениях Казановича, не говоря уже о Маркове и Неженцеве, могло иметь место невыполнение боевого приказа, что у А.П. Богаевского случалось...

³⁰⁶ В противном случае, Богаевскому не составило бы труда уйти со Степным отрядом, где ему всегда нашлось бы место.

³⁰⁷ В своём обращении, опубликованном уже 11(24) марта («Донские известия» № 7), Богаевский в частности писал: «Вы спросите, к чему же была борьба с большевиками? Я прямо и решительно отвечаю. Она была политической ошибкой, и лишние жертвы с обеих сторон только вредили России...»

По свидетельству Н.М. Мельникова обращение было написано Богаевским на клочке бумаги, и ограничивалось несколькими строками. Суть его сводилась к следующему: «Борьба наша проиграна, большевики победили, вас осталось очень мало, дальнейшая борьба бесполезна. Сохраните ваши жизни, сложите оружие» («Родимый край» № 44, январь-февраль 1963 г.).

Любопытно, что документ этот, судя по всему, полностью нигде более в современных источниках не публиковался. Большевики, конечно, использовали его для агитации, но после 1(14) апреля она потеряла всякий смысл.

В советской печати при многочисленных ссылках на него, обращение Богаевского не появилось и позже. Вероятно, оттого, что в нём содержалось пусть косвенное, но вполне осязаемое упоминание о том, что отряды Чернецова поголовно, а Добровольческая армия и «степняки» в немалой степени состояли из учащейся молодёжи, юнкеров и кадетов в возрасте от 14 до 18 лет. Лишний раз напоминать об этом поначалу не хотелось, а впоследствии было уже невозможно.

К чести Богаевского следует заметить, что эта его уступка оказалась единственной, и, сделав первый шаг, по скользкой дорожке далее он не пошёл. Ни словом, ни строкой не бросил он тень на Каледина, которого считал своим другом. Ни намёком не дал понять, что считает действия Войскового правительства неправильными, тем более, преступными. Говорил он только от своего имени и отвечал только за себя. И поэтому оклеветать кого-либо не мог по определению.

Этому человеку хватило мужества не уступить более давлению, которому он, безусловно, подвергался, и не предать, прежде всего, самого себя. Сама дальнейшая судьба Богаевского и её трагический финал безоговорочно свидетельствуют об этом.

Спустя несколько дней, 19 марта (1 апреля) Голубов забрал Богаевского из тюрьмы. По какой-то причине он решил оставить свой отряд в Платовской, а Богаевского везти лично по железной дороге. Возможно, войсковой старшина опасался, что в казачьих станицах пленник может быть отбит у малочисленного конвоя, а в крестьянских сёлах его жизнь вновь подвергнется опасности.

По словам Н.М. Мельникова, для конвоирования Богаевского был подготовлен специальный поезд, состоявший из паровоза и вагона третьего класса. «Поместили в среднем купе вагона, – пишет он, – и паровоз бесшумно тронулся в путь. В коридоре и в соседних отделениях было полно вооружённых казаков, с любопытством смотревших на М. П-ча. Вошёл Голубов в сопровождении казака, нёсшего розовую, в цветах, подушку, и расположился на другой стороне отделения – против сидевших рядом, прижавшись друг к другу, дремавших Богаевских...»

Не подлежит сомнению, что уже тогда Голубов решил использовать Богаевского в своих интересах. Поезд проходил через Ростов, и войсковому старшине ничего не стоило сдать пленника Донревкому и разом избавиться от множества проблем. Однако он этого не сделал, а проследовал да-

лее, в Новочеркасск³⁰⁸, где Богаевский был помещён на гауптвахту³⁰⁹.

И тут вдруг выяснилось, что ситуация обострилась, и приходится забыть о «степняках», а утихомиривать своих, донревкомовских, казаков.

С первых дней после занятия Новочеркасска казаки 6-го пешего батальона, перешедшего на сторону большевиков, спасали от расправы донских партизан³¹⁰. Дело приобрело вполне законные организационные рамки, и сразу же было поставлено на поток. Батальонный комитет легко и без лишних формальностей принимал в состав подразделения всех желающих, хотя нетрудно было догадаться, что под видом «добровольцев» часто записывались те, кто по тем или иным причинам не сумел покинуть город и имел основания опасаться репрессий. Вскоре в батальоне были уже свыше полутора десятков партизан, а пулемётная команда состояла из них целиком.

Укрывали в казарме по преимуществу знакомых офицеров, и казаки 10-го Донского полка.

Случались уже и недоразумения между голубовскими казаками и красногвардейцами, переходившие всё чаще в потасовки. В этой обстановке исполком Совета и так называемый «Совет пяти» решил провести регистрацию проживающих в городе офицеров. Трудно сказать, было ли это дежурным мероприятием или готовился новый виток репрессий, что вернее, но время для регистрации было выбрано явно неудачное.

Встревоженные казаки 6-го батальона послали в исполком делегацию с требованием отменить регистрацию, угрожая в случае арестов выступить в защиту офицеров с оружием в руках. Их поддержали часть казаков 10-го и 27-го Донских пол-

³⁰⁸ «В Ростове поезд поставили на запасный путь, – пишет Н.М. Мельников, – Голубов куда-то ушёл. Стояли час-два, если не больше. Было беспокойно... Вдруг в поезд стремительно вскочил Голубов, и сейчас же тронулись в путь. Обращаясь к М. П-чу, Голубов сказал: «Подтёлков и компания требовали, чтобы я отдал вас им... Ну, нет, М.П., судить вас в Новочеркасске будем мы!»

³⁰⁹ Е.Д. Богаевскую не стали задерживать, и она остановилась у сестры Богаевского, Н.П. Баклановой.

³¹⁰ Батальон был расквартирован на территории Новочеркасского Реального училища.

ков и почти все артиллеристы «Голубовской революционной дивизии». Ответа не последовало, и тогда 10(23) марта казаки вышли на улицу, навели орудия на здание, в котором заседали члены Исполкома, и заявили, что если регистрация не будет отменена, они «разнесут здание артиллерийским огнём».

Исполком тут же уступил. Более того, один из инициаторов проведения регистрации, Медведев, вынужден был покинуть город. Но в то же время, в Новочеркасск из Александровск-Грушевского, якобы для усиления гарнизона, был переведён 1-й Титовский революционный полк, что решающим образом изменило соотношение сил.

Вернувшись в Новочеркасск, Голубов постарался сгладить возникшие «недоразумения». В двадцатых числах марта (в начале апреля) им было созвано гарнизонное собрание. Городской театр был переполнен. В партере расположились казаки и солдаты Титовского полка, в президиуме – представители исполкома, Голубов и Смирнов.

Поначалу всё шло спокойно. Казаки и красногвардейцы были настроены мирно. Выступавшие убеждали их, что Советская власть это власть трудящихся, то есть их же самих. Наконец слово взял Голубов. И тут, во время выступления кто-то передал ему перехваченную телеграмму. Не ожидая подвоха, в общем-то, не думая даже, что подобное может произойти, Голубов с трибуны зачитал её целиком. Возможно, он и успел осознать смысл текста, но не посчитал нужным останавливаться на полуслове, и даже рассчитывал использовать телеграмму в своём выступлении. Последующее наглядно продемонстрировало, насколько ошибался войсковой старшина в своих расчётах.

Это было обращение «Всем, всем, всем», подписанное полковником К.К. Мамонтовым. В нём содержался призыв к донским казакам восстать и браться за оружие. И Голубов громко произнёс на весь зал: «...и изгнать красную сволочь – большевиков из пределов Донской области»³¹¹. Войсковой старшина

³¹¹ Текст концовки телеграммы приводит М.К. Бугураев («Родимый край» № 82, май-июнь 1969 г.). Возможно, приведённый по памяти, он несколько отличается от оригинала, но наверняка незначительно.

прервался на минуту, осмысливая сказанное. Затих и зал. Но тут же взорвался аплодисментами. Казаки, все как один, аплодировали и кричали «ура».

Выступить далее в таком шуме было невозможно. «Голубов вскочил, – пишет Бугураев. – Как разъярённый зверь, он метался по сцене, кричал, ругался, топал ногами. А казаки всё кричали «ура!» Президиум поднялся и покинул помещение, вместе с ними ушёл и Голубов...» Стали расходиться и «титовцы», а за ними и казаки. Уходили группами, настороженно озираясь по сторонам. Все были при оружии, и любой неосторожный жест мог привести к перестрелке. Понимание этого её и предотвратило. К тому же, при всём при том, казаки и «титовцы» относились друг к другу уважительно.

На следующий день комитеты всех частей и подразделений Новочеркасского гарнизона вынесли постановление о том, что на митинги все, включая и комиссаров и советских работников, должны прибывать без оружия.

Случившееся заставило Голубова врасплох. На такую реакцию казаков войсковой старшина явно не рассчитывал. Не исключено, он и подумывал теперь о том, чтобы открыто отмежеваться от Советской власти. Но перспективы этого шага представлялись туманными. Прорвавшееся недовольство донревкомовских казаков ещё не означало, что значительная часть фронтовиков готова выступить с оружием в руках против Советов. «Степняки» были далеко и, как представлялось, сами с трудом отбивались от многочисленных отрядов Красной гвардии. На их немедленную помощь рассчитывать явно не приходилось. О других очагах будущего восстания было мало что известно. К тому же с чисто военной точки зрения ситуация была незавидной. Против нескольких сотен «титовцев», дисциплинированных и сплочённых, местной Красной гвардии и скопившихся на ростовском вокзале отрядов Голубов располагал в лучшем случае 120–150 казаками, за решимость которых вновь взяться за оружие никто бы поручиться не смог³¹².

³¹² Роковую роль сыграло разделение сил. Оставшийся в Платовской от-

И главное, войсковой старшина прекрасно понимал, как будет воспринята очередная «смена окраски». Казаки не могли не задаться вопросом, зачем же мы сами, своими руками свалили Войсковое правительство и открыли большевикам дорогу в Новочеркасск? Чтобы теперь, когда мы одни, выступить против них? Его авторитет, и без того пошатнувшийся, грозил рухнуть окончательно.

Взвесив всё, Голубов решил продолжать ту же игру, и вытащить из колоды последний козырь. Запланированное им выступление Богаевского должно было показать казакам, что если уж этот человек, репутация которого оставалась незапятнанной, принимает Советскую власть, остальным остаётся, лишь последовать его примеру.

Несколькими днями позже в здании Кадетского корпуса состоялся очередной митинг. Слухи о том, что на нём выступит М.П. Богаевский, распространились в городе, и зал вновь был переполнен. Все были предупреждены, что собрание начнётся в строго определённое время, и никого ожидать не станут. «Голубовцы», казаки 6-го батальона, «титовцы» сидели на тесно сдвинутых скамейках, опоздавшие заполняли проходы³¹³.

Н.М. Голубов

М.П. Богаевский

ряд пригодился бы как нельзя кстати. И минимальное сопротивление, оказанное голубовскими казаками 27 марта (9 апреля), не в последнюю очередь объясняется их малочисленностью.

Что касается 6-го батальона, то в нём влияние войскового старшины было незначительным.

³¹³ Где-то в переполненном зале находилась и супруга Богаевского, Елизавета Дмитриевна.

5–6 советских работников, заседавших в другом помещении и не оповещённых о митинге заранее, уже не смогли пробиться сквозь их ряды и остались стоять сзади, в комнате перед входом в зал. Но никто и не думал расходиться.

Наконец прибыло начальство: Голубов, Смирнов и военный комиссар по борьбе с контрреволюцией В.Ф. Ларин. Богаевского, доставленного с гауптвахты на автомобиле с пулемётом, ввели в зал под охраной. К винтовкам конвоиров-красногвардейцев были примкнуты штыки.

Председательствовал Голубов. Первым слова попросил Ларин. Он начал с того, что охарактеризовал Богаевского, как контрреволюционера, врага трудового народа и «прихвостня буржуазии». Прозвучал даже недвусмысленный намёк на возможность самосуда: «Народный суд может свершиться и здесь. Воля народа везде...» Однако зал не выразил поддержки, и Ларин перешёл к другому.

Он пространно и сбивчиво говорил о большевизме, его развитии, о том, как много хорошего сделала Советская власть, о Красной гвардии и Красной армии... Слушали его уже невнимательно. Казаки вполголоса переговаривались между собой. Когда же прозвучали слова о «гидре контрреволюции – офицерстве», раздалась возмущённые выкрики. Председательствующий Голубов вынужден был напомнить, что существует свобода слова, и каждый вправе высказать своё мнение.

Ларин продолжал, но зал шумел, уже не переставая. Голубов заявил, что если выкрики не прекратятся, он сложит с себя обязанности председателя собрания, но в то же время, предложил Ларину скорей заканчивать «и не испытывать терпения казаков».

Не ожидавший подобного от Голубова, Ларин ещё пытался говорить, но концовка выступления получилась явно скомканной. Сам видя и осознавая это, Ларин машинально стал тереть кобуру. Это не осталось без внимания казаков. Кто-то из них громко спросил: «Почему товарищ Ларин не выполняет слова и на митингах и собраниях бывает с револьвером?» После

этого комиссар совершенно смешался и поспешил покинуть трибуну. «Титовцы» аплодировали, но недолго и недружно.

Голубов вновь напомнил собранию о «свободе слова» и попросил слушать следующего оратора, не прерывая и не перебивая. В отношении Богаевского это было излишне. С помощью членов президиума он взобрался на стол – импровизированную трибуну и начал говорить.

Речь его была чёткой, но негромкой, и в задних рядах люди едва могли расслышать Богаевского. Раздались выкрики: «На середину. Многие ещё подошли. Просим на середину, не слышно...» Сидевшие у президиума возражали: «Не надо на середину. Решено». Начались пререкания, пришлось голосовать. Большинство голосов приняло решение, перенести «трибуну» на середину. Туда же перешли Голубов, Богаевский и конвой красногвардейцев.

Теперь Богаевского могли слышать все. И он говорил, никем не прерываемый, в полной тишине более трёх часов³¹⁴. Во

³¹⁴ «Когда этот человек, – пишет К.П. Каклюгин, – маленького роста, с измождённым жёлтым лицом калмыцкого типа, с впалой грудью, в скромном штатском одеянии выходил на кафедру для произнесения речи и произносил первые слова, аудитория, как бы она ни была многочисленна и разношерстна – затихала, и с напряжённым вниманием ловила каждое его слово...»

Слабый грудной голос, речь без жестов, без мимики; спокойная, непринуждённая, неподвижная поза; однообразно звучащая интонация; отсутствие патетических подъёмов, лирического шёпота... Короткая, отрывистая, разговорная фраза, полное отсутствие фразеологических и стилистических красот, внешних искусственных построений, рассчитанных на эффект.

Просто, ровно, спокойно, монотонно... Учитель объясняет ученикам урок...

Полное отсутствие внешних приёмов ораторского искусства, внешних красот и искусственности...

Откуда же эта слава Златоуста?

Разгадку следует искать не во внешних данных, которых не было, а во внутренних свойствах.

Прежде всего, следует отметить, что когда вы слушаете речь М. П-ча, – ничто внешнее не отвлекает вашего внимания – ни он сам, ни его манеры, ни звук голоса, ни фразы и слова, ни дикция, ни пафос. Вы воспринимаете его мысль, которая развивается легко, логично с необыкновенной прозрачностью и рельефностью, ясно, убедительно, неотразимо... Вас постепенно захватывает то чувство, которое испытывает оратор, оно овладевает вами в полной мере. Внушённые вам оратором мысли и чувства вы воспринимаете так, как будто бы это ваши мысли и чувства...»

времена, когда аудитория, слегка ошалевшая от всевозможных, проводившихся едва ли не ежедневно митингов и собраний, уделяла ораторам не более 15 минут, это само по себе многое значило.

Вначале Богаевский сказал, что, находясь в неравных условиях, не может должным образом ответить комиссару Ларину. Тот свободен, у власти, и потому бросает необоснованные обвинения, а он, Богаевский, «под угрозой штыков». И добавил, прихвостнем буржуазии он не был и не будет, и все сейчас это увидят.

Извинился, что не имеет на руках соответствующих документов и попросил поэтому верить на слово³¹⁵. Дальнейшее выступление действительно походило на лекцию. Богаевский напомнил, кто такой был Каледин и почему Круг Атаманом избрал именно его. Рассказывал о том, как формировалось Войсковое правительство, а затем и Паритетное. Пояснял, какие цели ставило оно перед собой, и какими способами пыталось этих целей добиваться. С какими трудностями столкнулось, как пыталось урегулировать отношения с Советами и Донревкомом мирным путём. Что делало после того, как, не находя выхода и поддержки казаков, покончил с собой Каледин, и Назаров заменил его, готовый сражаться до конца... Но Дон, встрепенувшись вдруг, так и не поднялся, и сил у него уже не оставалось...

«Видно было, что всё сильней и сильней симпатии на его стороне, – пишет Максим³¹⁶. – Чувствовалось, что речь не пре-

Разумеется, каждый оратор реализуется в рамках своей эпохи, и вне этих рамок неизбежно становятся непонятными и сомнительными причины столь громкого успеха. К тому же во времена, когда значительная часть населения не могла похвастаться элементарной грамотностью, человеку, способного сносно связывать фразы, куда проще было завоевать внимание слушателей.

Но факт остаётся фактом. Вне зависимости от социального и имущественного состава аудитории, М.П. Богаевскому раз за разом удавалось убеждать и даже очаровывать слушавших его людей.

³¹⁵ Любопытно, что отсутствием необходимых документов объяснял Богаевский и то, почему Голубов привёз его не в Ростов, а в Новочеркасск, где, по его мнению, легко было их найти. «И на суде, – говорил он казакам, – если таковой будет, дать ответ на все обвинения и вопросы с *нужным материалом в руках*».

³¹⁶ Псевдоним неизвестного журналиста «Донской волны».

рвут. Дадут договорить до конца. Зрители – слушатели – одно внимание – пружина, которую сгибает и разгибает М.П. Богаевский. Он царил над слушателями...»

Коротко сказал о себе, а потом, обратился напрямую к казакам: «...Ушёл из города. Скрывался в станицах. Пришлось мне самому соприкоснуться, стать близко-близко, увидеть все ужасы гражданской войны. В это время, как раз, разыгрались события в Платовской станице, где вырезались от мала до велика целые семьи. Пришли одни – вырезали калмыков. Другие пришли, кровь за кровь, стали резать крестьян. Не мог вынести этого, не имел больше сил скрываться и решил написать письмо партизанам, а самому пойти, открыться Голубову, который обещал и доставил меня в Новочеркасск...

Не думайте, что вы одни только любите Россию и Дон, что вы одни можете работать. Необходимо привлечь все силы для совместной работы. А работать можно не только одними руками. Работать головой. Вы работаете руками. У вас на них мозоли, а я работаю головой и у меня мозоли на мозгах.

Я ещё молод. Мне всего 36 лет. У меня семья. Мне хочется жить. Я хочу и могу работать. Если я нужен вам, если могу быть полезен вашей работе для Дона, я готов работать с вами³¹⁷. Готов помочь вам опытом и знаниями, которые есть у меня. Я считал своим долгом сказать вам, открыть глаза, осветить события и деятельность Каледина и его товарища Богаевского и других.

Вы нас выбрали. Вы нам вручили власть. Вы нам дали наказ. Его выполняли мы. Сами же вы за нами не пошли, и мы остались одни. Без опоры, без верного казачеству войска, без силы, без поддержки.

Не судите, не вините строго нас. Помните, что это ваши ошибки. Ошибки всего казачества привели к тому, что сейчас

³¹⁷ На основании этих слов И.А. Поляков, настроенный даже не против М.П. Богаевского, а против вступивших за него людей, делает вывод о том, что он, якобы, предлагал большевикам сотрудничество. Вряд ли это так. Богаевский бесспорно обращался непосредственно к казакам. И выражал надежду, что всё, так или иначе успокоится, казачество вновь будет распоряжаться своей судьбой, и тогда, пригодятся и его услуги.

В отличие от Полякова однозначно, как враждебную и антисоветскую, восприняли речь Богаевского в Ростове.

творится у нас на Дону. Вините и судите сами себя. Судите весь Дон, всех казаков судите.

...Россия и Дон связаны друг с другом. Дон без России и Россия без Дона жить, существовать не могут. Будет Дон, будет жить и Россия. Казакам необходимо примириться с крестьянами – пойти навстречу друг к другу. Протянуть братские руки и сплотиться в общем сильном едином пожатии...

Нужно примириться с партизанами. Позвать их. Вернуть из степей. Ведь там молодые силы. Там цвет будущего Дона. Там такие дорогие и нужные силы для процветания и жизни Дона.

Привлечь к работе и интеллигенцию – её силы. Без неё ничего нельзя сделать. Не будет цвести и расти Дон, если интеллигенция будет стоять в стороне. Если она не будет работать. Если не воспользоваться её опытом и знаниями.

Пора прекратить перестать лить нужную нам кровь своих же братьев, одинаково и сильно любящих Дон. Также желающих ему добра и благополучия и роста в дальнейшем...»

Зал сидел некоторое время, ожидая, что Богаевский вновь заговорит. Но, убедившись, что выступление закончено, взорвался аплодисментами. Аплодировали стоя казаки. К ним присоединялись многие «титовцы». Аплодировал, отставив винтовку, даже кто-то из солдат конвоя.

Никаких вопросов и обсуждения не было. Президиум немедленно покинул зал. Стали расходиться и казаки с солдатами. Богаевский сразу же был возвращён на гауптвахту.

Видимо, Ларин в тот же день сообщил в Ростов о митинге, причём речь Богаевского, и то впечатление, которое она оказала на казаков, охарактеризовал в самом негативном свете. ЦИК Донской Советской республики воспринял его донесение, как начало мятежа. Начальнику гарнизона Смирнову приказывалось немедленно прибыть вместе с Голубовым в Ростов и доставить туда Богаевского. Смирнов заявил, что подобное распоряжение выполнять отказывается.

Было ли его заявление заранее согласовано с Голубовым или всё произошло спонтанно у телефонного аппарата, неизвестно. Судя по дальнейшим событиям, никакого плана не су-

ществовало. Смирнов рассудил, что согласись он выдать Богаевского, воспротивиться этому и арестовать его самого могли бы его же казаки.

В любом случае, это был открытый разрыв, а возможно, и начало военного противостояния с Донревкомом, и все это понимали. Сразу же казаки, решившие, что им с большевиками уже не по пути, в массовом порядке стали покидать Новочеркасск³¹⁸. По городу поползли слухи о скором прибытии из Ростова карательной экспедиции, и это лишь ускорило их отъезд.

Скрылся и Смирнов, Голубов же оставался в городе. Этот энергичный, не унывающий человек с марта 1917 г. находился в неустанном движении. Придумывал и пытался осуществить немислимые комбинации. Считал, что чувствует настроение масс и умело использует его в своих интересах. И вот, когда всё, казалось, стало удаваться, вскрылось вдруг, что настроение это изменилось в какой-то момент, а войсковой старшина его не уловил. Изначально поставил всё не на ту лошадку, и пришёл срок расплачиваться по счетам³¹⁹.

Вероятно, лучшим выходом из создавшегося положения, было, захватив с собой М.П. Богаевского, немедленно выехать в поднимающиеся близлежащие станицы Черкасского округа. Но Голубов этого не сделал. Он недооценил «ростовских товарищей», не поверил в их способность оперативно принимать смелые решения. Да и покидать Атаманский дворец, к которому он стремился всё это время, не хотелось...

Эти пара дней промедления и решили в конечном счёте его судьбу.

27 марта (9 апреля) направленный из Ростова отряд матросов-анархистов прибыл в Новочеркасск и стал разгружаться на вокзале. Видимо, кое-какие меры Голубов всё же принял. Вок-

³¹⁸ М.К. Бугураев утверждает, что все полковые, батарейные и сотенные комитеты казачьих частей вынесли об этом соответствующее постановление («Родимый край» № 82, май-июнь 1969 г.).

³¹⁹ «...он недооценил событий, развёртывавшихся с головокружительной быстротой, – пишет И. Борисенко, – не рассчитал своих сил и забыл о «непреклонности движения колеса истории», каковой фразой не раз щеголял и сам на митингах...»

зал охранялся. Завязалась перестрелка, но казаков была горсть, и они вскоре отступили.

В городе появились конные матросы передового дозора, а вслед за ними по всем улицам стали продвигаться к центру и основные силы. Моряки располагали бронев автомобилями, и даже артиллерией. Вскоре гауптвахта была окружена. Казаки 10-го полка, бывшие в карауле, не оказали сопротивления и выдали матросам Богаевского.

Всё произошло очень быстро, что исключало возможность организованного отпора. И всё же он был оказан. Голубов без фуражки, с винтовкой в руках, во главе трёх-четырёх десятков лично преданных ему казаков, отстреливался сколько мог у Атаманского дворца. Но матросы подтягивались всё в большем количестве, численное превосходство их стало подавляющим. Голубов, продолжая отстреливаться, отступал по Московской улице и далее, к Собору. Ему с казаками удалось прорваться и покинуть город.

Совершенно неожиданно обнаружилась и ещё одна организованная группа, попытавшаяся ввязаться в бой. Хорунжий Е.И. Брыкин³²⁰, едва слышав выстрелы у вокзала, решил присоединиться к защитникам города. Он понятия не имел о силах казаков и их готовности к сопротивлению, но сам действовал решительно.

Зная о том, что в 6-м батальоне находятся партизаны-чернецовцы, он проследовал в Реальное училище. Удалось собрать до пятнадцати человек³²¹, готовых выступить немедленно. С этим «полувзводом» Брыкин стал продвигаться к арсеналу. На Сен-

³²⁰ Евгений Иванович Брыкин родился в Новочеркасске. Окончив гимназию, поступил в Киевский университет. С началом Великой войны перешёл в Новочеркасское военное училище. По окончании его служил в чине хорунжего в 20-м Донском полку под началом полковника А.М. Назарова – будущего Атамана Донского войска. Возглавлял команду разведчиков.

Вернувшись на Дон, записался к В.М. Чернецову, и был назначен командиром первого взвода второй сотни. Раненый в бедро под Каменоломней, после занятия Новочеркаска оставался в городе на излечении.

³²¹ Казаки батальона на защиту города не выступили, но и оружие сдать отказались. Не имевшие в отношении к ним чётких указаний, анархисты считали за лучшее, оставить батальон в покое.

ной площади партизаны наткнулись на семерых матросов и тут же закололи их штыками. Однако здание арсенала уже занимал поднятый по тревоге 1-й Титовский полк.

Брыкин попытался атаковать. Завязалась перестрелка. Определив по интенсивности огня, что противостоят им 10–15 человек, «титовцы», продвигаясь по параллельным улицам, начали окружать партизан. Пришлось отступить и рассеяться³²².

За полтора-два часа Новочеркасск был занят анархистами.

Была объявлена новая регистрация, но большинство офицеров на неё не пошли, справедливо полагая, что это может стоить им жизни. Часть отряда моряков была оставлена в городе на усиление гарнизона. Большинство же возвратились в Ростов.

Выбравшись из Новочеркаска во главе взвода казаков, Голубов вновь действовал решительно и целеустремлённо. Мучительные раздумья, как поступить, остались в прошлом. Выход был только один: присоединиться к зарождающемуся восстанию, а если удастся, возглавить один из отрядов.

Энергия и вера в удачный исход вернулись к этому удивительному человеку. Прямо противоположные качества непостижимым образом сочетались и уживались в нём. Казалось бы, пустозвон и завзятый демагог, войсковой старшина был в то же время прекрасным командиром, личная храбрость и организаторские способности которого никем и никогда не ставились под сомнение. А цинизм и беспринципность не мешали частым проявлениям добродушия, товарищества и по своему понимаемой воинской чести.

Любую заведомую авантюру он неизменно превращал в триумф. И сейчас, оставшись у разбитого корыта, рассчитывал на то же. Войсковой старшина не учёл лишь одного. Всё, что произошло на Дону с января, в чём принимал он непосредственное участие, затронуло десятки тысяч людей. Не только затронуло,

³²² Спустя сутки Брыкина арестовали и поместили на гауптвахте. Прямых свидетельств его участия в «мятеже» не было, но железнодорожник, бывший в составе трибунала, опознал его, как «чернецовца».

Хорунжего наверняка бы расстреляли. Спасли его кривяницы, занявшие город.

всю жизнь перевернуло. И далеко не все теперь симпатизировали Голубову. А заводить тут и там недоброжелателей³²³ в период усобицы, когда жизнь в буквальном смысле стоит одной пули, лучше бы не стоило...

Голубов разъезжал по станицам, уговаривая казаков подняться и пойти на Новочеркасск. 29 марта (11 апреля) он прибыл в станицу Заплавскую и вместе с богаевскими казаками³²⁴ проезжал мимо правления. Станичный атаман вышел на крыльцо и упросил Голубова слезть с коня и «зайти побеседовать». Войскового старшину не пришлось долго уговаривать. От митингов и собраний он никогда не уклонялся, так как за словом в карман не лез.

Ф.Ф. Пухляков (рисунок)

Говорил Голубов в течение 4-х часов, и был откровенен. Напомнив о значимых эпизодах своей военной биографии, перешёл к донским событиям. Рассказал, как в марте 17-го стал работать в военной секции Донского исполнительного комитета, о том, что произошло позже. Не забыл напомнить о своих заслугах. Эпизод с освобождением из тюрьмы и переходом на сторону ВРК равно как и период нахож-

³²³ Одним из таких недоброжелателей и являлся Ф.Ф. Пухляков, бывший студент Донского политехникума. В декабре в составе студенческой дружины он находился на станции Миллерово. Вскоре дружина была распущена, Новочеркасск пал, и Пухляков, не вступив ни в один из партизанских отрядов, 11(24) февраля вернулся на родину, в станицу Раздорскую.

Пухляков не был знаком с Голубовым, во всяком случае, близко. Но считал, и не уставал повторять, что «ради спасения Дона» необходимо его убить.

Узнав о восстании Фетисова, раздорцы одними из первых направили в Кривяньскую вооружённый отряд, в котором Пухляков был взводным командиром. В 3 часа дня 29 марта (11 апреля) раздорцы прибыли в Заплавскую. Пухляков тотчас узнал, что Голубов выступает в станичном правлении и поспешил туда.

³²⁴ Впоследствии Ф.Ф. Пухляков, а вместе с ним и В. Эмин утверждали, что Голубов прибыл в Заплавы в сопровождении казаков – уроженцев станицы Богаевской. Вероятнее всего, с ними войсковой старшина вырвался из Новочеркасска.

дения в занятом Советами Новочеркасске были упомянуты им лишь вскользь.

Говорил он, сидя на столе, положив рядом с собой винтовку. Между тем тучи над его головой сгущались. Пухляков присел сбоку, его дядя, поручик В.А. Александров, начальник отряда и друг студент Сулин, стали у окна. Снаружи расположились несколько казаков с винтовками из взвода Пухлякова. Никто им не мешал. Видимо, статус студента значил в то время немало. Возможно также, многие знали об устремлениях Пухлякова, и полагали, что если люди с оружием что-то предпринимают, значит так и надо.

– Я не виноват, – продолжал Голубов, – многие считают меня виновником современного положения на Дону... Кто-то что-то делает, кто-то в чём-то виноват – но всё слагалось так, что во всём виноват Николай Голубов...

Войсковой старшина прервался, и Пухляков скороговоркой задал ему несколько вопросов. Однако казаки возмутились и потребовали, чтобы Голубову не мешали договорить. Окончив без помех свою речь, Голубов покинул правление. Пухляков же стал убеждать атамана в необходимости его ареста, и в 11 вечера войсковой старшина был обезоружен и взят под стражу.

Голубов просил не отбирать браунинг. «Моя смерть в ваших руках, не выдавайте меня красногвардейцам, – говорил он, хотя не мог не понимать, что-что, а в Новочеркасск его не переправят. – А если думаете выдать, то оставьте мне браунинг, я застрелюсь».

Пистолет, конечно, отобрали. Ночь войсковой старшина провёл на частной квартире. Его охраняли восемь человек. Богаевцы никаких действий в защиту Голубова не предприняли.

Около шести утра на сход стали собираться казаки. Пухляков, предварительно взяв у брата, подьесаула А.Ф. Пухлякова, наган, отправился за Голубовым. Впереди шли четыре вооружённых казака, за ними войсковой старшина с Пухляковым. Замыкали тоже четверо и поручик Александров.

У правления собрались уже казаки. Все, за исключением бо-

гаевцев, стоявших отдельной группой, были без оружия. Голубова хотели ввести в правление, но раздались крики раздорцев: «Стой здесь и отвечай на вчерашние вопросы!»

Голубов стал на площадке рядом со ступеньками. Сзади, в дверном проёме стоял Пухляков с револьвером в руке, а внизу, возле ступенек, – Сулин, сжимающий винтовку с примкнутым штыком. Пухляков повторил заданные накануне вопросы, не самые опасные для войскового старшины³²⁵: «Почему был убит Чернецов и почему преследовались партизаны?»

– Товарищи!.. – начал по привычке Голубов. Толпа зашумела, но войсковой старшина, чуть замешкавшись, продолжил. – Я социалист-революционер. Для меня это принципиально... Станичники! В смерти Чернецова я не виноват. Я арестовал его, чтобы спасти. Но не мог спасти потому, что не мог сдержать казаков... И, в оправдание моё, что я не виновен в смерти партизана Чернецова, укажу на тот факт, что спасал его партизан на своих подводах и на свои средства триста вёрст от преследования Красной гвардии³²⁶.

– Господин Голубов, это странно! – прервал его кто-то. – Там спасаете чернецовских партизан, а в Сальском округе почему тогонялись за партизанами генерала Попова?

И здесь Голубову было что возразить. Силами, способными «гоняться» за Степным отрядом, он попросту не располагал. Но войсковой старшина лишь произнёс что-то невнятно и замолчал. Толпа постепенно заводилась.

– Врёшь!.. – раздались выкрики – Душегуб!..

– Дайте оправдаться! – рявкнул Голубов, и толпа стихла.

Пухляков, не ожидая его оправданий, задал новый вопрос:

– Почему вы, несмотря на свои обещания, шли против Каледина и его правительства и против интересов казачества? – видно было, бывший студент был взвинчен до предела. Его

³²⁵ Чернецов всё же был чужаком, и казаки переживали его гибель не так, как смерть Назарова, тем более Волошинова.

³²⁶ Что хотел сказать этим Голубов, не совсем понятно. Возможно, он и приказал казакам отпустить оставшихся в живых пленных партизан. В смерти же Чернецова, если не считать того, что войсковой старшина вёл бой с партизанским отрядом, Голубов не виноват никоим образом. Знай заранее, как всё обернётся, он бы, без сомнения, сделал всё возможное, чтобы её предотвратить.

уже мало интересовало, что будет говорить Голубов. При этом он то и дело поднимал руку с заряженным наганом. Увидев в непосредственной близости сверкающее на солнце оружие, казаки подались назад. В какой-то момент Пухляков, психика которого, судя по всему, устойчивостью не отличалась, взвёл курок.

– Против Каледина, правительства и интересов казачества я в корне не шёл, – отвечал войсковой старшина, – но в мелких деталях я с ними не был согласен... – Замолчал ненадолго, но тут же нашёл откровенные и правдивые слова, – ... как и все вы!

Толпа вновь притихла, осознавая сказанное. Лучшего момента для освобождения трудно было и представить. Голубов исподлобья посмотрел на богаевцев. Но те молчали и готовности к решительным действиям не обнаруживали.

Пухляков, между тем, напомнил о семи расстрелянных – Атамане Назарове и остальных. Голубову нечего было ответить. Вновь из толпы казаков послышались вскрики:

– Изменник... Предатель...

– Дайте же оправдаться... – повторил Голубов и еле слышно произнёс. – Ах, как тяжело...

– А нам легко?.. – так же тихо ответил кто-то.

Голубов был свой, природный черкасский казак, и как знать, быть может, ему и удалось бы, уговорив людей, выпутаться и из этой безнадежной ситуации.

Но тут Пухляков, окончательно потерявший самообладание, громким, срывающимся голосом провозгласил:

– Станичники! Голубов, ещё будучи членом военного отдела областного исполнительного комитета, ещё в то время грозил Войсковому правительству шестнадцатую тысячами штыков Новочеркасского солдатского гарнизона...

Он вновь поднял руку и, не рассчитав дистанции, ткнул стволом револьвера в голову войскового старшины. При этом, по-видимому, сам того не желая, нажал на спусковой крючок. Пухлякова подвели нервы. Возможно впрочем, сказалось отсутствие должных навыков владения личным оружием.

Выстрела никто не услышал. Но пуля, выпущенная в упор, вошла Голубову в затылок и вышла через левую бровь. Он стал заваливаться на Пухлякова. Тот оттолкнул его, и Голубов рухнул перед крыльцом на грудь. Он был ещё жив и в сознании. И хотя не мог уже говорить, лицо и глаза, полные недоумения и возмущения, казалось, спрашивали: разве такое возможно, кто осмелился!?!..

Потрясённый Пухляков³²⁷ закричал и выстрелил в лежавшего перед ним войскового старшину раз и другой. Пули вошли в ухо и висок...

«Голубов лежал на ступеньках, – пишет В. Эндин³²⁸. – Голова его раздулась, кровь фонтаном била из всех шести отверстий – он был полнокровным...»³²⁹

³²⁷ Позже Пухляков говорил, что в течение продолжительного времени не мог заснуть и боялся, что сойдёт с ума.

³²⁸ «Донская волна» № 9 от 05.08.18.

³²⁹ «Так кончил свою пёструю жизнь Николай Голубов, – пишет В. Севский, – всю жизнь искавший славы, овеванный ею на бранных полях, и за эту славу хотевший чрезмерно большой процент: атаманскую булаву. Шёл широким шагом и всю жизнь спотыкался о трупы: Чернецов, Назаров и семья, иже с ним, Богаевский... Вся карьера его – прогулка по канату над пропастью. Всегда неудачно балансировал и, каждый раз срываясь, увлекал в бездну самых сильных, самых ярких...»

Сколько раз судьба учила неугомонного, что удаль и доблесть военная не всегда идут вместе с мудростью и лукавством политика, но он до последнего дня гулял по канату, пока не разбился насмерть...» («Донская волна» № 7 от 22.07.18).

Вероятно, пуля, выпущенная в затылок войскового старшины, была нелепой случайностью. Но вместе с тем смерть Голубова знаменовала собой постепенное окончание целой эпохи, романтического этапа гражданской войны. Периода, когда офицерские роты штыками прокладывали себе дорогу среди многочисленных толп во многом и потому, что с ними шёл Корнилов. Когда солдатские эшелоны, устремившиеся в тыл, останавливались случайным агитатором и давали жестокий отпор немцам. Когда казаки, смертельно уставшие от войны, вдруг поддавались обаянию командира и вновь садились в седло. Когда одиночки могли повести за собой тысячи.

Население теперь самую жизнь было разделено на две группы. Одни от имущественного и социального передела, затеянного большевиками, надеялись что-то получить. И получить достаточно много, чтобы ради этого идти на смерть. Другие имели время убедиться, что передел этот ничего хорошего им не сулит. И чтобы не потерять всего, тоже приходится идти на смерть.

Время одарённых одиночек проходило. Их место занимали скромные труженики войны. Пусть не такие яркие и приметные, зато точно знавшие с кем они, и почему. Теперь, сколь ни был неординарен человек, принадлежность к

В эти же дни решилась судьба и оставленных в Платовской казачьих сотен. Ещё ранее местные отряды Красной гвардии предприняли попытку преследования «степняков», отходивших в сторону Ремонтной. Оно вылилось в перестрелку разъездов. Красногвардейцы далеко не пошли и вскоре возвратились в свои станицы. Пучков при этом продвинулся лишь до Великокняжеской. Боевого соприкосновения с партизанами «голубовцы» не имели.

Реорганизованный отряд Т.Н. Никифорова³³⁰ вернулся в Платовскую. По словам С.М. Будённого, в это время была получена телеграмма за подписью Подтёлкова, предписывающая Пучкова и его ротных командиров арестовать, а казаков обезоружить и распустить по домам.

Никаких объяснений при этом не приводилось, и Никифоров не рвался выполнять распоряжение Подтёлкова. К тому же он опасался, что три сотни казаков-фронтовиков окажут вооружённое сопротивление и «доставят немало хлопот».

В этом смысле Никифоров и высказался на собрании командиров отряда, предложив иметь телеграмму Подтёлкова в виду, но избегать решительных действий. Будённый же заявил, что готов выполнять предписание и предложил следующий план. Составлялась поддельная телеграмма, в которой Голубов якобы предписывал Пучкову проследовать в Платовскую и ожидать его прибытия. В станице казаков предполагалось захватить врасплох и разоружить.

В соответствии с этими намётками и решено было действовать. Будённый во главе своего эскадрона отправился в Великокняжескую, где передал Пучкову «телеграмму». Содержание её удивления и тревоги у Пучкова не вызвали. Он сразу же поднял

той или иной группе оказывалась куда важнее набора личных качеств. И готовность сражаться и отстаивать интересы своих, отодвигала на задний план свои личные устремления.

И в этом смысле Голубов не имел шансов. В лучшем случае, он мог стать лишь одним из многих. Но судьба, столь долго к нему благоволившая, не позволила и этого...

³³⁰ С влившимися мелкими отрядами и группами Платовский отряд имел в своём составе три стрелковых батальона и кавалерийский эскадрон, командиром которого был избран С.М. Будённый.

отряд и вместе с эскадром Будённого проследовал в Платовскую.

Как было условлено, казакам предоставили для размещения казармы, а Пучкова и сотенных командиров пригласили в штаб отряда. Будённому и бойцам его эскадрона Никифоров предложил идти отдыхать. К всеобщему удивлению, вместо немедленного ареста, он предложил отдохнуть и Пучкову³³¹.

Будённый, решив что его задача выполнена, также последовал его совету. Дома он пообедал, и так как все в эскадроне не спали около суток, немедленно уснул. Однако выспаться ему не пришлось, не более чем через час в станице поднялась стрельба.

«Я выбежал из дому, вскочил на коня и помчался к штабу отряда, – пишет Будённый. – По дороге к хутору Шара-Булак и в сторону Маныча на галопе группами и в одиночку уходили казаки Пучкова. Их преследовали, стреляя на ходу, бойцы эскадрона. Очевидно, странное поведение Никифорова навело Пучкова на подозрение, и он поднял своих казаков, чтобы увести их из Платовской, а это в свою очередь всполошило наших людей. Вначале Пучков пытался руководить отходом своего отряда, но убедившись в бесполезности этого, бросил казаков и один с ординарцем поскакал к Манычу. Я с группой бойцов кинулся за ним. В ходе погони был убит ординарец Пучкова. Сам он, подскакав к реке, бросился в воду и поплыл к противоположному берегу, уцепившись за гриву коня. Подоспевшие бойцы вместе со мной открыли по нему огонь. Не доплыв до левого берега Маныча несколько метров, Пучков вместе с лошадью стал тонуть. Однако я заметил в бинокль, что он всё-таки выбрался из реки и уполз в камыши³³²».

³³¹ «Казалось, что теперь, когда Пучков был в наших руках, Никифоров не знал, что с ним делать, – пишет Будённый. – Я, конечно, не мог сам решить этот вопрос...»

³³² Весь эпизод, связанный с попыткой разоружения отряда Пучкова, приводится лишь в мемуарах С.М. Будённого, и другими источниками не подтверждается. Сомнительно, чтобы масштабное боестолкновение и столь плачевный финал донревкомовских казаков, перешедших на сторону Советов и в конечном итоге ими же уничтоженных, могли быть проигнорированы вначале Донской, а затем, и эмигрантской прессой. Это обстоятельство заставляет предположить, что «голубовцы» узнали о событиях в Новочеркасске заранее,

На этом существование донревкомовских казаков как оформленного подразделения, прекратилось. Незначительная их часть перешла к Подтёлкову. Позже почти все они погибли в экспедиции. Подавляющее же большинство «голубовцев» разъехались по домам и участвовали в гражданском противостоянии уже на следующем его этапе.

Между тем 29 марта (11 апреля) сестре Богаевского Н.П. Баклановой оставшиеся на гауптвахте офицеры передали записку, в которой сообщили, что в три часа дня 28 марта (10 апреля) он на специальном поезде был увезён анархистами в Ростов.

М.П. Богаевского поместили в ростовскую в тюрьму³³³. 29 марта (11 апреля) на него было заведено новое уголовное дело за № 425. При регистрации от Богаевского было принято 22 руб. 32 коп.

Вскоре в Ростов приехала Е.Д. Богаевская. Свидания она не получила, но ей удалось переговорить с тюремным доктором. Тот сообщил, что Богаевский был у него на приёме и жаловался на боли в области сердца. По словам доктора, оставшись в тюремном покое с ним наедине, Богаевский сказал также, что от вокзала его вначале повезли в «Палас-Отель» на допрос к Подтёлкову. При этом Подтёлков «ругал его площадной бранью и, поднося кулак к лицу, намеренно наступал на ноги». 30 марта (12 апреля) доктор сумел известить Богаевского о том, что супруга его уже в Ростове.

На следующий день в город прибыл бывший ученик Богаевского. При нём находилось рекомендательное письмо, адресованное одному из ростовских адвокатов, который имел доступ, как в тюрьму, так и в Совет. Разрабатывался план, согласно

и большинство из них разъехалось по домам беспрепятственно, до того, как их попытались разоружить. Если перестрелка и имела место, то она была незначительной и недолгой. Весьма вероятно, всё свелось к попытке задержания Пучкова и разоружения его небольшой охраны. Всё это, конечно, требует уточнения.

³³³ Сопроводительный документ был подписан председателем президиума I съезда Советов Донской Советской республики В.С. Ковалёвым: «Препровождается Богаевский М.П. к Вам в тюрьму от президиума съезда советов Донской республики, которого держать в одиночном заключении за строгим караулом».

которому в тюрьму передавалось фиктивное предписание³³⁴ о выдаче Богаевского, после чего его должны были укрыть в «надёжном месте».

Трудно сказать, насколько всё это было серьёзно и каковы были реальные шансы на успех. Судя по всему, замысел в конкретные действия так и не воплотился. Впрочем, любая попытка спасти Богаевского была обречена на неудачу, так как неизбежно не поспевала за развитием событий. Время шло уже не на дни, а на часы, и их оставалось немного.

1(14) апреля утром кривяньские казаки во главе с войсковым старшиной М.А. Фетисовым с налёта заняли Новочеркасск. Несмотря на отсутствие каких-либо органов управления, в том числе и военного, восставшие нашли время озаботиться судьбой Богаевского. Решение этого вопроса было поручено И.А. Полякову, сразу по занятию Новочеркасска предложившего Фетисову свои услуги.

«...Я приказал восстановить прерванную с Ростовом телефонную связь, – пишет он. – После долгих попыток, в конце концов, удалось получить Ростовский исполнительный комитет. К телефону подошёл какой-то субъект, назвавший себя заместителем председателя комитета. Когда он узнал о цели моего вызова, он разразился по моему адресу потоком площадной брани, высказал сожаление, что меня не разыскали в Новочеркасске и не расстреляли и обещал при новом занятии города не забыть, это сделать. Я предложил ему за М. Богаевского отпустить всех комиссаров и видных большевиков, арестованных нами в Новочеркасске, а за каждого казака – по несколько красногвардейцев, но он и это моё предложение категорически отвергнул. Моя угроза в случае неисполнения нашего требования – расстрелять всех пленных большевиков также не подействовала. Она вызвала лишь новую брань с его стороны и угрозы не оставить камня на камне при будущем занятии большевиками Новочеркасска.

³³⁴ Адвокат, якобы, брался раздобыть стандартный бланк для предписаний, на котором уже наличествовала подпись «ответственного лица» и заполнить его соответствующим текстом таким образом, чтобы он не вызвал в тюрьме никаких подозрений.

Я видел, что всякие дальнейшие переговоры бесполезны и потому, предупредив говорившего со мной, что за каждого расстрелянного ими казака, мы будем расстреливать 10 красногвардейцев, приказал прервать телефонное сообщение. Так неудачно окончилась попытка спасти М. Богаевского тогда, когда его фактически в живых не было³³⁵. Что касается моих угроз по отношению к пленным большевикам, то мы от этого воздержались. Объяснялось это многими причинами. С одной стороны, не хотелось уподобляться большевикам и расстреливать всех без разбора, а с другой – у нас не было уверенности, что мы удержим город...»

Явился ли ультиматум последней каплей или же Богаевский был расстрелян, едва угроза освобождения его восставшими стала, как показалось, реальной, неизвестно. Остаётся лишь догадываться, кем и когда принималось роковое решение. Известны лишь его исполнители.

1(14) апреля около пяти часов вечера к зданию тюрьмы подъехал служебный автомобиль. В нём находились четверо. Два шофёра на переднем сиденье, Яков Антонов³³⁶, совсем ещё юноша, один из организаторов ростовской Красной гвардии и председатель следственной комиссии Романский – на заднем.

Я. Антонов

³³⁵ И.А. Поляков всячески подчеркивает, что ультиматум был оглашён уже после смерти Богаевского. Большинство других источников придерживаются иного мнения, суть которого в том, что упомянутый телефонный разговор состоялся днём 1(14) апреля и послужил непосредственным поводом к его расстрелу.

«В этот день, 1-го апреля, – пишет Н.М. Мельников – Ростов. сов. власти получили из Новочеркасска, освобождённого в первый раз казаками всего лишь на один день, ультиматум немедленно освободить М.П. Б-го и не позже 5 часов дня доставить его в Новочеркасск. Большевики поспешили немедленно покончить с пленником...

Не будь этого неумного ультиматума, не вовремя сосредоточившего внимание сов. властей на личности М.П. Б-го и подчеркнувшего особую ценность его для восставших, судьба М. П-ча, быть может, была бы другая...»

³³⁶ Однофамилец В.А. Антонова-Овсенко.

Выйдя из машины, Антонов проследовал в тюремную контору и там предъявил листок бумаги, в котором значилось следующее: «Предлагаю выдать предъявителю сего Богаевского для препровождения в областной Военно-Революционный комитет для допроса. Председатель чрезвычайной следственной комиссии Рожанский».

Судя по неровностям строк, Рожанский составил предписание прямо в автомобиле, но каких-либо подозрений оно не вызвало. Антонова знали в лицо и выдали Богаевского немедленно. В качестве расписки он лишь начертил внизу: «Ар. Богаевского в следственную комиссию принял. Г. Антонов³³⁷. 1 апреля 1918».

Богаевского посадили между Антоновым и Рожанским, и автомобиль начал движение в сторону Новочеркаска. До города доносились отчётливо слышимые звуки перестрелки. Это в районе нахичеванских боен у станицы Александровской восставшие казаки продолжали отбиваться от подходивших от вокзала красногвардейцев.

На окраине Нахичевани наблюдалась небывалая суета, сновали автомобили и конные, проходили всё новые и новые отряды. Обыватели выходили из домов, боясь пропустить непривычное зрелище. Впрочем, несмотря на стрельбу, немалое количество граждан гуляло у третьей Балабановской рощи за насыпью железной дороги. Был праздничный день.

Решил посмотреть, в чём дело, и фельдшер боен казак Гугуев. У опушки рощи он увидел чёрный автомобиль, неуверенно круживший у деревьев. Наконец машина остановилась. Из неё выбрались двое, и торопливо пошли в глубь рощи. Впереди шёл человек в военном френче, за ним – сутуловатый человек в фуражке с бархатным околышем. Гугуев принял его за учителя.

Зашли за редкие деревья, вышли на полянку. Сделав ещё несколько шагов, первый вдруг резко обернулся, вскинул руку и выстрелил в «учителя». Тот, не вскрикнув, упал. Стрелявший,

³³⁷ Возможно, имелось в виду «гражданин Антонов». Не исключено, впрочем, что Антонов использовал псевдоним.

обойдя тело, вернулся к автомобилю, намереваясь занять своё место. Но второй пассажир что-то сказал ему, указав на упавшего. Человек в военном френче³³⁸ согласно кивнул, вернулся к «учителю» и повторно выстрелил ему в лицо. Автомобиль тут же умчался.

Гугуев приблизился к лежавшему и увидел, что у того прострелен правый глаз. Он был ещё жив, но говорить не мог. Из рта толчками вытекала кровь. Взглянул на фельдшера левым глазом и тут же закрыл его. Гугуев поднял лежавшую рядом фуражку и разобрал на подкладке две буквы: М. П. Он наконец, понял кто был перед ним.

Подошёл матрос, живший неподалёку, подошли какие-то женщины. Матрос поднял с земли и позже унёс с собой пенсне.

³³⁸ Гугуев по понятным причинам не рискнул приблизиться и не мог тогда знать, кто были эти двое, совершившие убийство. Позже их имена были установлены. В Акте расследования по делу об убийствах, совершённых большевиками в 1918 г. в г. Ростове-на-Дону (дело № 25), произведённого «Особой комиссией, состоящей при Главнокомандующем ВСЮР», можно прочесть следующее:

«1 апреля, около 4 часов дня, председатель ростовской Чрезвычайной следственной комиссии Беруш-Рожанский вместе с начальником ростовской Красной гвардии Яковом Антоновым прибыли в тюрьму и потребовали выдачи Богаевского якобы для допроса в Военно-революционном трибунале. Богаевский был посажен в автомобиль и отвезён названными лицами не в трибунал, а за город, к Балабановской роще, где Антонов предложил ему встать и следовать за ним. Дорогою Антонов обернулся и выстрелил в упор в Богаевского, который свалился. Спустя несколько минут Антонов по указанию Рожанского вновь подошёл к Богаевскому и произвёл в него второй выстрел.

Раненый Богаевский вскоре скончался, и труп его был доставлен случайным свидетелем этого убийства в Марьянскую больницу. На голове трупа было обнаружено два ранения, одно в области верхней челюсти, а второе у левого скулового отростка, сопровождавшееся разрушением основания черепа.

Попытка группы членов партии левых эсеров, ближайших сотрудников большевиков, вырвать Богаевского как крупного политического деятеля, пользовавшегося общим уважением, и добиться суда над ним в Москве, в революционном трибунале, осталась безрезультатной. Большевики предпочли суду короткую кровавую расправу.

Всё вышеизложенное основано на данных, добытых Особой комиссией с соблюдением Устава уголовного судопроизводства».

Начинало темнеть, и все поспешили разойтись по домам. Затихала и перестрелка у боен.

Гугуев не осмелился забрать в дом Богаевского и не оказал ему, возможно, ещё живому, никакой помощи. Но утром на подводе вернулся в рощу. Богаевский лежал в той же позе. Он был мёртв.

Фельдшер уложил тело на подводу и повёз в Нахичеванскую больницу. Проехав часть пути, он наткнулся на группу красногвардейцев, посланных забрать тело. Остаток пути проделали вместе. Впрочем, красногвардейцы были только рады, что не пришлось самим искать подводу. В больнице один из них обшарил карманы покойного и забрал записную книжку.

Гугуев поспешил уехать домой.

Через неделю Е.Д. Богаевской разрешили забрать из погребка городской больницы тело мужа. Богаевского похоронили вначале в Нахичевани, и лишь много позже супруга перевезла тело в Новочеркасск. «Я помню, – писал В. Севский³³⁹, – толпу праздных зевак, баб и детей с подсолнухами на временной могиле Богаевского на Софиевском кладбище в Нахичевани и кучку друзей – трёх-четырёх, кроме пяти родных покойного.

Помню товарный вагон с полом, пахнущим навозом, в котором везли Богаевского из Ростова в Новочеркасск.

И на перроне Нахичеванского вокзала в маленькой группе друзей и родных Богаевского отчётливо помню немецкого унтер-офицера. Он подошёл к Е.Д. Богаевской и от лица немецкой армии поклонился жене казачьего патриота.

И только... Иных делегатов не было».

8.5. В УКРАИНЕ

8.5.1. Эвакуация Киева

Когда Киев был занят и Народный секретариат переехал в столицу Украины, в его учреждениях царил едва скрываемая эйфория. О том, что переговоры в Бресте могут быть сорваны,

³³⁹ «Донская волна» № 9 от 05.08.18.

никто, казалось, не задумывался, да и не хотел задуматься³⁴⁰. И лишь направленная из Петрограда за подписью И.В. Сталина телеграмма, в которой прямо говорилось, что немцы наступать будут и целью их наступления является захват Петрограда и Киева, заставила «киевских товарищей» посмотреть правде в глаза.

Сразу же по её получении на заседании Народного секретариата было принято решение «немедленно организовать комитет для руководства обороной революционной Украиной в составе пяти человек и комитету обороны предоставить самые широкие полномочия с правом принимать немедленные решения от имени Украинской республики». При этом Подольская, Волынская и Киевская губернии были объявлены на военном, а Киев – на осадном положении³⁴¹.

Благодушие сменилось лихорадочной деятельностью. Созывались всевозможные совещания, создавались комитеты, издавались воззвания и «обязательные для исполнения» постановления. Тут и там выступали агитаторы, правда, без особого энтузиазма.

Всё это имело мало практического смысла. Народный секретариат, вполне оформившийся как орган, способный принимать решения, не успел обзавестись аппаратом для их исполне-

Ю.М. Коцюбинский

³⁴⁰ «На заседании Народного секретариата, – пишет Д. Эрде, – в последних числах февраля, т.е. за несколько дней до падения Киева, представитель Военного Секретариата уверял, что слухи о движении немцев в сторону Киева «безусловно, ложны». Возникновение этих слухов, объяснялось, по мнению секретариата, весьма просто. По его сведениям, в пограничном районе были только частичные случаи набегов партизанских отрядов австро-германских войск на некоторых железнодорожных станциях и в ближайших к расположению неприятельских войск городах и местечках. Набеги эти были предприняты, якобы, с целью добычи провианта и захвата складов оружия, брошенного правительством Рады...»

³⁴¹ 9(22) февраля ЦИК Ук утвердил предложенные меры. В состав «Комиссии по обороне страны» были избраны Я. Мартьянов, Ю.М. Коцюбинский, Н.А. Скрыпник, С. Бакинский и В.М. Примаков.